

Н. СЕРГЕЕВА

1С: ИНКВИЗИЦИЯ

или

СМЕРТЕЛЬНЫЙ
ВЫИГРЫШ

КНИГА 1

Наталия Сергеева

**1С: Инквизиция, или
Смертельный выигрыш**

«Автор»

2026

Сергеева Н.

1С: Инквизиция, или Смертельный выигрыш / Н. Сергеева —
«Автор», 2026

Вы думали, налоговая проверка — это ад? Ад — это когда у тебя не сходятся обязательства в другом измерении. Елена заснула обычным бухгалтером в Москве, а проснулась главной подозреваемой в убийстве архидемона. Пока на Земле обнаглевший шеф спешно вешает на неё миллионную растрату, в Межмирье её втягивают в расследование, от которого фонит межмировым мошенничеством. Защищать её некому, кроме сурового безопасника и его ворчливого помощника. Но у Елены есть оружие помощнее боевой магии — статус Ведьмы Равновесия. Её глаза видят скрытые перекосы в документах и тайные финансовые шлюзы так, словно она сама их придумывала. Кто дирижирует этой смертельной схемой? Чьи интересы прячутся за ядовитыми письмами и кусающимися архивными папками? Загадок больше, чем фишек на игровом столе. Но правила игры изменились. Если Елена не докопается до правды, списать могут её саму. Вот только земные бухгалтеры так просто не сдаются. Заговор запущен, баланс сведен, и проверка начинается прямо сейчас.

© Сергеева Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Баланс, платье и техзадание мирозданию	5
Глава 2. Смерть за столом №7	10
Глава 3. Инвентаризация трупа	16
Глава 4. Допрос с отрицательным сальдо	23
Глава 5. Выписка из реальности	29
Глава 6. Камера временного отсутствия	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Наталия Сергеева

1С: Инквизиция, или Смертельный выигрыш

Глава 1. Баланс, платье и техзадание мирозданию

Если жаворонок просыпается в шесть тридцать утра и первым делом не хочет жить, значит, он – бухгалтер и подошло время сдачи годового баланса.

Колонка «Алиса» радостно сообщила, что сегодня понедельник. День, когда мне предстояло закрыть отчёт, пережить общение с налоговой, не убить начальника и попытаться доказать руководству, что я не обязана постоянно исправлять ошибки отдела продаж, маркетинга, строительного подразделения, и, судя по всему, погоды.

Я лежала в своей спальне в Гольянове, на тринадцатом этаже обычной московской четырнадцатизатяжки, и смотрела в сторону окна. Там серел март. Тот самый московский март, который вроде уже не зима, но всё равно ещё не жизнь.

Из кухни донёсся короткий писк мультиварки.

Вот она, цивилизация. Пока я валялась и ненавидела реальность, овсянка уже сварилась, посуда помылась в посудомойке, стиралка привела мой гардероб в порядок. Робот-пылесос, правда, снова застрял у выхода на балкон и теперь пыхтел значком в телефоне.

Я выбралась из кровати, накинула халат и пошла доставать белье, посуду и кашу, одновременно выдав застрявшему герою пинка для продолжения движения.

Квартира у меня была двухкомнатная. Не дворец, конечно, но после семи лет ипотеки и кредита на дорогущий ремонт я относилась к ней как к личным апартаментам в заколдованном замке. Кухня девять метров, гостиная, спальня и два балкона, которые я в приступе оптимизма объединила в один. Получилось пространство мечты: узкое, длинное, странное, зато моё.

Иногда я выходила туда с чашкой чая и смотрела на город с тринадцатого этажа. Люди спешили, машины нервничали, город жил своей жизнью. Сегодня время на «посмотреть» не было.

В восемь двадцать я уже заходила в метро на станции «Щёлковская» и думала, что синяя ветка — это не транспортная линия, а отдельный вид пыток. Вагоны были забиты людьми, с такими лицами, будто их тоже ждала сдача годового баланса.

Я втиснулась между мужчиной с рюкзаком, женщиной с пакетом из «Пятёрочки» и подростком, который слушал музыку так громко, что его басы явно пытались диктовать ритм моему сердцу.

На Курской вагон вдруг встал. Двадцать минут мы пытались не упасть в обморок от духоты, а с платформы в двери всё лезли и лезли люди. На «Площади Революции» меня вынесло на улицу потоком, где я привычно повернула в сторону Ильинки.

Наш офис располагался в старом здании с видом на биржу. Особняк как будто сообщал всем, проходящим мимо: «Здесь работают успешные люди». Хотя внутри, как правило, сидят люди, которые вчера на обед ели Доширак или гречку из контейнера, параллельно пытаясь понять, почему не сходится НДС.

Компания называлась «Гелиос Инвест». Название обещало солнце, рост и золотое будущее. Моё рабочее место находилось в комнате без окон.

Я вошла в офис ровно в девять ноль семь.

Валерий Павлович Пеня стоял у двери бухгалтерии с таким лицом, будто лично поймал меня при попытке вывезти из страны валютную выручку.

— Елена Алексеевна, — сказал он. — Семь минут.

Я сняла пальто и устало сказала:

— Валерий Павлович, я очень рада, что вы научились пользоваться часами.

— Это опоздание, — визгливо начал он.

— Это метро.

— Ответственные сотрудники выходят с запасом времени.

— Для ответственного работодателя финансовый директор, караулящий подчинённых утром у двери бухгалтерии, тоже не является производственной необходимостью.

Он зло прищурился.

Пеня был мужчиной лет пятидесяти, с аккуратными усами, лысиной и талантом превращать любую рабочую ситуацию в фарс или унижение нижестоящих. Его фамилия была настолько точной, что мне иногда казалось: он не родился, а был начислен.

— У нас сегодня ответственный день, — произнёс он.

— У нас каждый день ответственный. Только зарплата почему-то скромная.

Он сделал вид, что не услышал мою последнюю фразу, и протянул мне папку.

— Нужно срочно поправить отчёт по представительским расходам. Там небольшие неточности.

Я вздохнула и открыла папку. На первой же странице увидела ресторанный счёт на сумму, которой мне хватило бы на месяц питания и ещё на недельку отпуска.

— Небольшие? — уточнила я. — Тут ужин на двенадцать человек оформлен как встреча с двумя партнёрами.

— Остальные присутствовали неофициально, они сопровождали стороны.

— Ели они тоже неофициально?

— Не цепляйтесь к формулировкам.

— Валерий Павлович, если налоговая увидит этот счёт, она не будет цепляться к формулировкам. Она вцепится в горло.

Он тяжело вздохнул.

— Вы всё слишком драматизируете. Это ваша работа — оформить всё правильно.

Я молча прошла к своему столу, положила папку, села, включила компьютер и сразу увидела на экране восемь непрочитанных писем с красными флажками. Красные флажки в бухгалтерии — это не «обратите внимание», это передача головной боли через цифровые средства коммуникации.

Первое письмо было от отдела продаж.

«Лена, привет! Нужно срочно провести акт. Да, дата прошлого месяца. Да, договора пока нет. Но клиенту очень нужно».

Я закрыла глаза.

Лучше бы не открывала. Второе письмо было от строителей.

«Елена, добрый день! Счёт потеряли, но поставка была. Можно это оформить как-нибудь красиво?»

Третье — от Пени.

«Напоминаю: годовой баланс должен быть готов сегодня до 18:00».

Я посмотрела на часы. Девять пятнадцать.

День только начался, а я уже хотела лечь и умереть.

К одиннадцати утра я нашла три ошибки в отчёте маркетологов, две подозрительные операции у строителей и один платёж, который по документам ушёл за канцтовары, но по сумме напоминал покупку одного из магазинов «Комуса».

— Марина, — позвала я коллегу из соседнего отдела. — У вас тут бумаги на сто восемьдесят тысяч.

Марина заглянула ко мне с кружкой ещё дымящегося кофе.

— Это много?

Я медленно повернулась к ней.

— Для бумаги? Если она не из шкуры дракона — да.

— Ой, а я думала, это за квартал.

— Даже если за квартал. Мы что, печатаем на бересте с золотым тиснением?

Марина виновато улыбнулась.

— Я уточню.

Она ушла. Через минуту пришло письмо от Пени.

«Елена Алексеевна, прошу не тормозить рабочий процесс излишними проверками».

Я перечитала фразу дважды. Излишними проверками! В бухгалтерии. Офигеть.

Я жала виски. Если бы у меня была магия, из монитора Валерия Павловича высунулась бы рука, взяла его за левый ус и оттащила к генеральному. Но магии у меня не было. Только 1С и начинающийся нервный тик.

В обед я, не отвлекаясь от отчётности, съела просроченный на один день йогурт, который нашла в холодильнике бухгалтерии. В три часа появился Пеня. Не написал. Не позвонил. Дошёл своими ногами. Это всегда было не к добру.

Он встал рядом с моим столом, посмотрел на монитор, положил на стол файл с листочком и сказал:

— Надо бы вот это провести сегодняшним числом, но в прошлом квартале.

Я ошарашенно подняла на него глаза.

— Валерий Павлович, вы сейчас услышали себя?

— Елена Алексеевна, не надо формализма.

— Какой формализм? Это календарь.

— Вам платят, чтобы вы не пререкались тут, а выполняли то, о чём вас просят.

Я улыбнулась.

Те, кто знаком со мной давно, знают: если я так плотоядно улыбаюсь, значит, кто-то сейчас пострадает.

— Хорошо, — сказала я. — Мы оформим ваше распоряжение, где вы лично укажете, что просите провести сегодняшнюю операцию прошлым кварталом. Просто приложим его к отчёту. Очень красиво получится. Даже я бы сказала — выразительно.

Пеня поджал губы.

— Вы всё доводите до абсурда.

Он забрал файл.

— Работайте над балансом.

— Как скажете.

До шести вечера я сводила отчёт. До семи — искала ошибку. В семь двадцать обнаружила, что ошибка была не у меня, а в данных, которые отдел продаж прислал с пометкой «проверено». Проверено, видимо, было на наличие букв.

В восемь я отправила Пене финальную версию. Он, видимо, сидел у компьютера с часами, так как ответил буквально через минуту.

«Посмотрю завтра. Но, надеюсь, всё корректно».

Я уставилась в экран. Вот, наверное, в средние века так и становились ведьмами.

В двадцать тридцать я вышла из офиса на Ильинку. Москва сияла вечерними огнями. Люди шли по Никольской, смеялись, фотографировались, пили кофе из стаканчиков, а мне надо было в метро.

Правильно было пойти в метро.

Разумно — это пойти в метро, приехать на «Щёлковскую», купить творог в «Пятёрочке», забрать заказ из пункта выдачи, поужинать и лечь спать.

Вместо этого я зашла в ГУМ. Честно, не знаю зачем. Наверное, потому что захотелось сломать привычную картину вечера.

Платье я увидела почти сразу. Оно висело в витрине небольшого бутика. Тёмно-синее, с тонким кружевом на рукавах, мягкой линией талии и словно шептало: «Просто примерь».

Я вошла просто посмотреть. Через пятнадцать минут стояла в примерочной и смотрела на себя в зеркало. Платье сидело идеально.

Это было совсем не про меня. В моей жизни идеально обычно сидели только дедлайны на шее.

— Как на вас сшито, — сказала девочка-консультант.

Она была совсем молода, красива и говорила, немного растягивая слова.

Я посмотрела на цену. Моя внутренняя жаба упала в обморок.

— Я подумаю, — сказала я.

— Конечно, — усмехнулась консультант.

Я вышла из примерочной, переделалась обратно в свои брюки и блузку, взяла платье в руки, чтобы отдать. И... не смогла.

Вот так просто. Стояла, держала вещь и вдруг поняла, что если сейчас уйду, то завтра снова будет Пеня, письма с красными флажками, бумага за сто восемьдесят тысяч, метро, просроченный йогурт и жизнь, в которой всё расписано правильно.

А платье было абсолютно неправильное. Безнадёжно и великолепно неправильное.

— Пробейте, — сказала я.

Девушка улыбнулась шире. Моя карта, кажется, тихо всхлипнула.

До «Щёлковской» я ехала с фирменным пакетом на коленях, чувством вины и ощущением, что совершила преступление против личного бюджета.

Дома меня встретила тишина. Я поставила пакет на стул, сняла обувь, пошла на кухню и открыла холодильник. Там было всё как у взрослого ответственного человека: контейнер с гречкой, куриная грудка, салат, сыр, лимон и чувство безысходности.

Микроволновка услужливо подогрела ужин, который я закинула в себя в мгновение ока.

Потом загрузила тарелку в посудомойку, включила стиралку на короткий режим, достала платье из пакета и снова приложила к себе перед зеркалом в прихожей.

Смешно. Тридцать четыре года. Бухгалтер. Гольяново. Годовой баланс. Начальник по фамилии Пеня. И платье, в котором можно было бы пойти на бал.

Я зевнула, вздохнула и повесила его на дверцу шкафа.

— Ну и куда мы с тобой? — спросила я у спонтанной покупки.

Платье не ответило.

Я пошла на балкон, открыла окно и выпустила холодный воздух. С тринадцатого этажа вечером город казался почти красивым. Я облокотилась на подоконник.

— Хоть бы завтра проснуться где угодно, — сказала я тихо. — Только не в этом всём.

Фраза прозвучала глупо. И я хихикнула.

— Да, Лена. Отличный план. Проснуться где угодно. Например, в Мытищах без денег и документов.

Вернулась в спальню, поставила «Алису» на шесть тридцать. Переделалась в пижаму, легла и натянула одеяло до подбородка. Голова гудела. Перед глазами плавали цифры, счета, подписи, лицо Пени и платье.

Я закрыла глаза. И почти сразу провалилась в сон.

Проснулась я от запаха жасмина. Это было странно. У меня дома не пахло жасмином. У меня дома пахло кондиционером для белья, гречкой и периодически — соседским борщом.

Я открыла глаза. Надо мной был не мой белый потолок. Здесь он был высокий, расписной, с золотыми завитушками. С него свисала люстра размером с мою кухню. Нет, если честно — с кухню, коридор и часть санузла.

Я резко села. Подо мной оказалась не кровать, а мягкая кушетка, обитая чем-то серебристым.

На мне оказалось платье. То самое. Тёмно-синее. Кружевное. Причём сидело оно ещё лучше, чем в примерочной.

— Нет, — сказала я.

Голос прозвучал слишком громко и гулко. Где-то рядом зажурчала в трубах вода.

Я повернула голову и увидела мраморные раковины, зеркала в человеческий рост, золотые краны, вазу с живыми чёрными розами и дверь, украшенную резными крыльями.

Туалет. Я проснулась в туалете. Только этот туалет был раза в два больше моей квартиры.

Я потрянула головой.

— Ну спасибо, мироздание, — сказала я. — Техническое задание ты, конечно, выполнило. Но, я всё же надеюсь, что это сон.

Глава 2. Смерть за столом №7

Я посидела на серебристой кушетке ещё пару секунд и осторожно опустила ноги на пол. Он оказался мраморным, но тёплым — даже через подошву незнакомых туфель, надетых неизвестно кем на мои ноги.

— Так, — сказала я себе. — Спокойно. Это сон. Очень глупый, красивый, но сон.

В ответ одно из зеркал мягко засветилось и в нём отразилась вроде бы я. Только какая-то не совсем я. Платье сидело идеально. Волосы, которые вечером я просто распустила и забыла, теперь лежали мягкими волнами. Лицо выглядело юным и свежим. Синяков под глазами не было видно впервые за последние лет пять. И это уже точно было фантастикой.

— Внешний вид гостьи соответствует протоколу вечернего зала, — произнесло зеркало приятным женским голосом.

Я огляделась в пустом помещении, снова посмотрела на зеркало.

— Простите?

— Внешний вид гостьи соответствует протоколу вечернего зала, — повторило зеркало.

— Требуется завершение гостевого профиля.

Я встала, подошла ближе и потрогала пальцем гладкую поверхность. Ощутила только холодное стекло.

— Так, теперь уже и зеркало разговаривает, — сказала я. — Отлично.

— Требуется завершение гостевого профиля, — терпеливо повторило зеркало.

— А мне точно требуется проснуться.

— Запрос не распознан.

— Кто бы сомневался, — кивнула я. — Ответ почти как из налоговой.

Я машинально попыталась залезть в карман за телефоном. Карманов у платья не было. Телефона тоже рядом не наблюдалось. Я посмотрела на дверь до потолка с резными крыльями.

— Ладно. Попробуем найти администратора этого безобразия. Или врача. Или выход из этого ночного кошмара.

Зеркало вежливо мигнуло и проговорило:

— Для выхода в исходный мир требуется завершить регистрацию гостевого профиля.

Я остановилась и обернулась к говорливому предмету интерьера.

— В исходный мир?

— Да.

— А без профиля?

— Невозможно.

— Но я же сюда не входила.

— Обнаружена неидентифицированная гостья в зоне высокого допуска.

Я прислонилась к стене и прикрыла глаза. Стало по-настоящему страшно. Не от окружающего великолепия, не от разговаривающих зеркал, а от слов «протокол», «профиль». Потому что эти слова, как и регламенты поведения, существуют не для людей. Они придумываются, чтобы загонять народ в определённые кем-то сверху рамки поведения.

Перестав философствовать, я открыла дверь. За ней оказался коридор.

Если туалет был размером с мою квартиру, то коридор уже напоминал небольшую улицу под моим окном. Причём очень красиво отделанную улицу. Пол — тёмный мрамор. Стены — золотистые панели с узорами. По воздуху медленно плыли крошечные огоньки. Откуда-то доносилась негромкая, явно живая музыка.

Я сделала шаг. Из стены бесшумно выскользнула тонкая золотая стойка. На ней вспыхнула надпись:

«Добро пожаловать в казино «Фортуна Миров». Пожалуйста, завершите регистрацию».

— Нет, — сказала я.

Надпись мигнула.

«Регистрация обязательна для гостей зоны высокого допуска».

— Я не гость. Попала сюда случайно из Гольяново.

«Мир не распознан».

— Ничего удивительного.

Передо мной возник полупрозрачный лист с текстом. Строки тянулись вниз мелкими сияющими буквами. Подозрительно мелкими.

Я напряглась и всё-таки попыталась прочитать написанное:

«Гостевой договор допуска в игровые и представительские зоны...»

— Договор? — переспросила я. — А устное согласие у вас не практикуется? И почему такой мелкий шрифт?

Строки послушно увеличились.

Я продолжила чтение. И чем дальше продвигалась, тем сильнее просыпалась. Требования оказались абсолютно неприемлемыми.

Гость подтверждает ответственность по ставкам. Казино вправе удерживать задолженность из доступных активов. К активам относятся денежные средства, мана, удача, титулы, наследственные права, воспоминания, годы жизни и иные нематериальные ценности.

Я перечитала последнюю строку. Потом ещё раз.

— Иные нематериальные ценности? — повторила я. — Вы серьёзно?

Пространство услужливо материализовало под светящимся листом золотую иглу.

«Для подтверждения достаточно одной капли крови».

Я покосилась на орудие пытки и отступила на шаг.

— Даже не мечтайте.

«Кровь используется исключительно для идентификации личности».

— Я без проверки юриста договор на канцтовары не подписываю. А тут вы мне предлагаете подтвердить взыскание воспоминаний, удачи и годов жизни, сдав кровь? У вас тут адовый отдел продаж?

Лист задумчиво помигал и выдал:

«Адовый отдел продаж расположен на втором административном уровне». Игла при этом продолжала висеть в воздухе.

Я скрестила руки на груди и отвернулась со словами:

— Ничего кровью подписывать не буду.

«Отказ от регистрации зафиксирован».

— Отлично. Теперь покажите выход.

«Выход в исходный мир невозможен до завершения гостевого профиля».

— Опять? На колу мочало, начинай сначала?

«До завершения регистрации вам предоставлен временный статус со специальным сопровождением».

— И что это значит?

Пол под моими ногами дрогнул. Я пискнула и посмотрела вниз. Узкая мраморная полоса, на которой я стояла, отделилась от остального пола и медленно поехала вперёд.

— Куда, — сказала я и попыталась сойти.

Полоса плавно расширилась, отрезая путь к отступлению. Тогда я шагнула в сторону. Но передо мной выросла стрелка-указатель: «К центральному залу».

— Мне туда не надо!

Полоса под ногами ускорила. Я попыталась схватиться за стену, но она оказалась гладкой, как лед. Пальцы скользнули, и меня мягко потащило по коридору.

— Это насилие, — в бешенстве сообщила я пространству.

«Это сопровождение гостя с незавершённым профилем», — ответила надпись на листе.
— У вас ужасные правила.

«Благодарим за отзыв».

Коридор повернул и меня вывело в небольшой холл. Там стояли двое служащих в одинаковых тёмно-зелёных ливреях. Сначала мне показалось — люди. Но присмотревшись, я заметила — у одного на голове были серебряные рожки, у другого — хвост с кисточкой из того места, на котором сидят. Оба поклонились мне так синхронно, будто репетировали это движение всё свободное время.

— Доброй игры, госпожа, — сказал тот, что с хвостом.

— Я не играю.

— Разумеется, госпожа. Все так говорят в первый вечер.

— Я серьёзно.

— Тем более, госпожа.

Я открыла рот, чтобы объяснить, что моё появление здесь ошибка, но мраморная полоса уже повезла меня дальше.

Музыка стала доноситься громче. Воздух изменился. В нём появились нотки дорогого табака, вина и парфюма.

Впереди виднелись двери размером с ворота ангара для Боинга. За ними был зал.

Нет, не так.

Там был город под крышей. Золотые балконы. Хрустальные лестницы. Мраморные арки. Столы с зелёным сукном. Светящиеся колёса рулетки. Парящие подносы. Серебристый световой водопад. И толпа. Толпа странных существ.

У ближайшего стола спорили два мужчины с рогами. У одного рога блестели, как будто их долго полировали, а у второго один рог был треснут.

У бара девушка с рыбьим хвостом в чёрном платье наливала напиток в бокал клыкастому парню.

Мимо моего уха пролетел серебряный поднос с бокалами. Я непроизвольно шарахнулась в сторону.

Мраморная полоса остановилась у края зала. Передо мной возникла новая стрелка: «Стойка регистрации».

Я посмотрела влево и увидела её: большую сияющую стойку. К ней тянулась очередь из существ, на которых было столько золота и камней, что я рядом с ними выглядела нищенкой из подворотни. Поэтому я сделала шаг вправо. Стрелка встала передо мной. Я обошла её, стрелка опять возникла впереди.

— Не надо за мной ходить, — попросила я.

Стрелка замерла, помигала и растворилась. Видимо, здешний сервис не умел спорить с гостями, которые уверенно говорили «не хочу».

Я выдохнула и тут же чуть не врезалась в мужчину, у которого за спиной были прозрачные крылья.

— Смотрите, куда идёте, смертная, — лениво процедил он.

Зал гудел. Кто-то разговаривал. Кто-то кричал. Откуда-то доносился звон бокалов. Над одним из столов вспыхнуло пламя, и крупье спокойно накрыл его ладонью.

— Ставка принята, — произнёс он.

Я замедлила шаг и пригляделась. На столах лежали не только фишки. Там были камни, монеты, светящиеся пластинки, маленькие флаконы, кольца, кусочки пергамента, перья, ключи и даже одна миниатюрная корона под стеклянным колпаком.

У очередного стола пожилая дама с зелёной кожей поставила на красное маленький пузырёк.

— Два года удачи, — объявила она.

Крупье кивнул и запустил шарик.

Я остановилась посмотреть.

Колесо остановилось, шарик упал. Дама позеленела ещё сильнее.

— Казино благодарит вас за игру, — сказал крупье.

Пузырёк исчез. Дама тяжело вздохнула и отошла от стола.

И тут я услышала:

— Три миллиарда астральных единиц.

Голос был низкий, довольный и с ноткой самоуверенности.

— Перевод через центральный реестр, — продолжил он. — Немедленно. Мадам Вексель, зафиксируйте операцию.

Три миллиарда. Центральный реестр. Зафиксируйте операцию.

Обычный человек прошёл бы мимо. Меня же эти слова притянули. Вообще, профессиональная деформация — страшная вещь.

Заинтересовавший меня стол стоял в центре VIP-зоны, немного приподнятой над общим залом. На нём виднелась табличка. На ней было написано № 7. Вокруг толпилась явно скупающая и очень богатая публика.

Я протиснулась ближе к сукну между дамой в перьях и мужчиной с глазами цвета расплавленного золота. Дама посмотрела на меня неодобрительно.

— Простите, — шепнула я.

Дама фыркнула и отвернулась.

За столом сидел мужчина в чёрном смокинге. Высокий, широкоплечий, с серебристыми волосами, острыми скулами и хвостом, который лениво двигался сбоку от кресла. На пальцах сверкали кольца. На лице — высокомерная улыбка.

— Блэкджек сегодня снова рвёт стол, — благоговейно прошептал кто-то справа.

Я не выдержала и повернулась.

— Его зовут Блэкджек?

Дама в перьях удивлённо посмотрела на меня.

— Конечно нет. Лорд Люциус Блэкстоун. Блэкджек — прозвище.

— А, — сказала я. — Спасибо.

Напротив Блэкстоуна сидел, скорее всего, эльф.

Я решила, что это эльф, потому что других вариантов не было. Безумно красивые черты лица, максимально светлые волосы, идеально прямой нос и брезгливо-утомлённое выражение лица.

— Эмериль Зеро, — шепнула дама в перьях с удовольствием. Она явно решила взять надо мной шефство. — Совладелец этого казино. Неприятный тип, но породистый.

Я не нашлась, что ответить, потому что в этот момент увидела женщину у края стола.

Там сидела пожилая строгая женщина. На ней было парчовое платье. Волосы убраны в пучок, как под корону. В руках — огромная книга в тёмной коже, в которой женщина что-то писала пером. Быстро, сухо, зло.

— А это Мадам Мортиция Вексель, — всё так же шепнула дама. — Главная финансистка.

Я сразу почувствовала в ней профессиональное родство.

— Флеш-рояль из чистой маны, — лениво сказал Люциус Блэкстоун и перевернул перед собой светящиеся пластины.

По залу прокатился восхищённый вздох.

Эмериль Зеро едва заметно побледнел.

— Игра ещё не завершена, — нервно произнёс он.

— Для вас — да, — усмехнулся Блэкстоун. — Для меня завершена. Мадам Вексель?

Мортиция подняла глаза от книги.

— Операция будет проведена после подтверждения центрального контура.

— О, опять, — Блэкстоун вальяжно откинулся на спинку кресла. — Ваши контуры всё равно всегда подтверждают мой выигрыш.

— Контуры подтверждают не вашу победу, лорд Блэкстоун, а корректность операции, — сухо прокомментировала Мортиция.

Я уважительно кивнула. Правильная женщина.

Люциус рассмеялся. Смех у него был наигранный, низкий и неприятный. Как дорогой автомобиль, который припарковался на клумбе.

— Ой, не рассуждайте, а действуйте побыстрее. Я хочу получить свои три миллиарда до того, как этот вечер станет скучным.

Он махнул рукой и ему подали бокал. Я не поняла, откуда появился этот рубиновый напиток. Кажется, поднос просто подплыл к столу и остановился рядом.

Блэкстоун взял бокал, поднял его в сторону Эмерия.

— За тех, кто умеет проигрывать красиво.

Эмериль сидел с каменным лицом и ничего не ответил. Мортиция снова что-то записала в книгу. Я заметила, как её перо царапнуло страницу слишком резко и из-под кончика вылетела крошечная синяя искра.

Блэкстоун сделал глоток, поставил бокал на стол. И вдруг его пальцы судорожно вцепились в край стола. Светящиеся пластины дрогнули. Хвост ударил по ножке кресла. По его открытым частям кожи дорожками побежал иней.

— Лорд Блэкстоун? — резко произнесла Мортиция.

Он попытался вдохнуть. Не смог. Поднялся, опрокинул кресло и рухнул вперёд, прямо на стол. Бокал упал и разбился. Тёмно-красная жидкость расплескалась по зелёному сукну.

Кто-то тонко вскрикнул. Потом ещё кто-то. А потом зал взорвался.

— Хладный яд!

— Его отравили!

— Он мёртв?

— Архидемоны не умирают!

— Этот умер!

Толпа рванула сразу во все стороны. Кто-то бросился к дверям. Кто-то, наоборот, к столу. Дама в перьях схватилась за моё плечо, чтобы удержаться на ногах. Мужчина с золотыми глазами потянул руку к осколкам бокала.

И тут во мне что-то щёлкнуло. Нет, не вдруг появившаяся магия. Это сработала годами нарабатываемая в бухгалтерии логика.

— Стоять! — рявкнула я.

Голос прозвучал оглушительно. Все застыли и обернулись на меня.

— Руки от стола! — продолжила я, сама удивляясь, почему команду залом, где половина гостей выглядит так, будто может меня сожрать без термической обработки и гарнира. — Бокал не трогать! Эти светящиеся штуки не сгребать! Следы не затаптывать!

— Это мана-пластины! — возмутился кто-то.

— Мне всё равно, как они называются! Человек умер!

— Он не человек! — крикнули из толпы.

— Тем более! Я не знаю, какие у вас правила по трупам не людей!

Стоящие вокруг замерли. Только один высокий мужчина с рогами всё-таки потянулся за рассыпавшимися камнями или фишками, и я ткнула в него пальцем.

— Вы! Не трогать, я сказала!

Он недоумённо обернулся.

— Ты знаешь, кто я?

— Пока нет, но если коснётесь улики, будете первым подозреваемым.

Рогатый моргнул. Мортиция Вексель подняла голову и впервые посмотрела прямо на меня тяжёлым взглядом.

— Кто вы такая? — спросила она.

Я открыла рот и вдруг поняла, что ответа у меня нет.

Не говорить же: «Елена, бухгалтер, случайно в вашем туалете проснулась».

Хотя, по сути, так и было.

— Я... — начала я.

В этот момент с грохотом захлопнулись огромные золотые двери зала. Музыка оборвалась. Где-то наверху ударил колокол. Свет стал холоднее. Над арками вспыхнули алые символы. Толпа замерла.

И в тишине, как в фильме про шпионов, прозвучал мужской голос:

— Всем оставаться на местах.

Глава 3. Инвентаризация трупа

Я повернулась к дверям. У входа стоял мужчина во всём чёрном.

Если честно, я просто не заметила, когда он появился. Только что вокруг металась толпа, кто-то вопил про хладный яд, кто-то пытался сбежать, кто-то намеревался прихватить с места преступления сувенир. А теперь все замерли. Даже подносы зависли в воздухе.

Мужчина был высокий, тёмноволосый, с лицом человека, привыкшего отдавать команды.

На нём был простой чёрный сюртук, на котором не наблюдалось ни золота, ни камней, ни гербов. После окружающей роскоши он выглядел ужасающе скромно, но при этом очень опасно.

— Всем оставаться на местах, — повторил он.

Из-за спины мужчины в чёрном выскочило зелёное существо ростом мне примерно до плеча. С огромными ушами, острым носом, маленькими жёлтыми глазками и блокнотом, крепко прижатым к груди.

— О, — подумала я. — Вылитый гоблин.

— Фишка, двери, — коротко скомандовал мужчина в чёрном.

— Запечатаны, шеф! — отапортовала мелкая зелень и тут же начала что-то строчить в блокноте. — Внешний контур закрыт, внутренние переходы перекрыты, астральные каналы... практически перекрыты.

Мужчина повернул голову.

— Практически?

— Один демон пытался выйти дымом через вентиляцию.

— И?

— Вентиляция взбунтовалась и вернула его обратно. Частями.

По залу прошёл шепоток.

— Кросс...

— Лорд-директор...

— Служба безопасности...

— Теперь точно никого не выпустят.

Я насторожилась. Встреча с местной службой безопасности не могла принести мне ничего хорошего.

Мортиция Вексель, всё ещё стоящая у седьмого стола обратилась к новому персонажу:

— Лорд-директор Кросс, тело у стола семь, — сказала она. — Предположительно хладный яд.

Мужчина в чёрном внимательно посмотрел на тело Люциуса Блэкстоуна.

Архимедон лежал лицом на зелёном сукне. Серебристые волосы рассыпались по светящимся пластинам. По коже тянулись тонкие белые дорожки инея. Я поёжилась.

Кросс сделал шаг к столу, но не приблизился вплотную.

— Никто не трогал тело?

Все одновременно посмотрели на меня. Вот просто все. Я даже обиделась на такую несправедливость и громко возмутилась:

— Я не трогала, наоборот, запрещала другим.

— Вы? — Кросс наконец перевёл взгляд на меня.

И вот тут я поняла, что зря привлекала к себе внимание. Взгляд был холодный, пронизывающий насквозь. Лучше бы я молчала. Но именно этого я делать и не умела.

— Да, я. Потому что здесь все начали хватать осколки, наступать на... — я махнула рукой на рассыпанные возле стола камни, пластинки и прочую местную роскошь, — на это всё. А это место преступления. И оно должно оставаться нетронутым.

Кросс бесстрастно выслушал меня и спросил:

— Вы следователь?

— Нет.

— Представитель службы безопасности?

— Тоже нет.

— Тогда почему вы командуете?

— Потому что в вашем зале только что умер... — я запнулась и посмотрела на Блэкстоуна. — Не человек.

— Архидемон, — подсказала Мортиция.

— Спасибо. Потому что в вашем зале только что умер архидемон, а окружающие ведут себя как на распродаже. Ясно же, что ничего нельзя трогать руками. Необходимо собрать, а не затоптать улики. Переписать и опросить свидетелей.

Слушая меня, Кросс чуть прищурился.

— Фишка, — сказал он, не сводя с меня взгляда. — Стол семь запечатать. Осколки бокала аккуратно собрать. Поднос найти и изъять, маршрут зафиксировать. Всех, кто находился в радиусе десяти шагов от стола, отделить от остальных.

Гоблин судорожно заскрипел пером.

— Радиус десяти шагов... отделить... стол не трогать... поднос найти...

Я не выдержала:

— И свидетелей надо не просто «отделить», а переписать. Имя, фамилия, отчество, место жительства, документ, где стоял, что видел.

Гоблин поднял на меня глаза.

— Отчество?

— Да.

— Что это? У нас такого нет.

— Тогда титул, род, мир, номер регистрации, не знаю, что у вас тут вместо паспорта.

Фишка озадаченно посмотрел на начальство, а оно — на меня, после чего вздохнуло и сухо проговорило:

— Вместо паспорта у нас гостевой кровный профиль. При регистрации фиксируются имя, статус, мир, уровень допуска, долговая история, магический след входа и активы, допущенные к игре.

— Прикольно, — сказала я. — То есть все здесь находящиеся готовы отдать кровь, чтобы поиграть?

Кросс сделал вид, что не услышал мой вопрос и повернулся к помощнику.

— Профили свидетелей, — приказал он. — Сейчас.

— Есть, шеф.

Гоблин сунул руку в карман жилета и достал плоскую пластину, похожую на планшет. Он ткнул в неё когтем.

— Радиус десяти шагов от стола семь... Так. Присутствуют: лорд Люциус Блэкстоун, статус — умер...

— Фишка.

— Вычёркивать?

— Не сейчас.

— Понял. Не вычёркивать умерших до распоряжения.

Я подняла глаза к потолку и вздохнула. Нет, всё-таки этот бред мог быть только сном.

— Дальше, — сказал Кросс.

— Эмериль Зеро, совладелец, эльфийский дом Зеро, высокий доступ, долг спорный, активы подтверждены. Мадам Мортиция Вексель, главный финансовый контур, полный служебный доступ. Гостя Фиора Дайм, дом Перьевых Озёр...

Дама в перьях рядом со мной гордо вскинула подбородок.

— Я всё видела, — сообщила она. — И сразу поняла, что вечер будет испорчен.

— Запишите, — сказала я Фишке. — Свидетель субъективно оценила вечер как испорченный.

Гоблин завис, повисел, отвис и спросил, глядя на меня:

— Это важно?

— Нет. Но пусть почувствует свою важность.

Дама в перьях оскорблённо фыркнула и отвернулась от меня.

Кросс повернулся и опять посмотрел на меня. Я поняла, что зря опять открыла рот, но было поздно.

Фишка продолжил:

— Равен Тар, мир Аркеш, статус — князь крови...

Мужчина с золотыми глазами холодно улыбнулся.

— Я не прикасался к телу.

— Вы тянулись к осколкам бокала, — напомнила я.

— Хотел помочь.

— Собрать улики?

Кросс, прослушав наш диалог, сделал два шага к столу. Алые символы над арками мигнули, и вокруг стола №7 поднялась тонкая прозрачная стенка. Воздух внутри дрогнул.

— Контур фиксации, — пояснила Мортиция. — Теперь никто не сможет изменить расположение предметов.

— Поздно, это надо было делать сразу, — пробормотала я.

Кросс услышал.

— Вы слишком много разговариваете и мешаете производить следственные действия.

Под холодным взглядом Кросса я затихла.

К телу подошли двое служащих в серых перчатках. Но это были не привычные у нас перчатки — вокруг пальцев просто светился тонкий серый слой.

Один из них провёл ладонью над Блэкстоуном.

— Жизненный контур отсутствует. Родовой отклик погашен. Посмертная трансформация не запущена.

— Причина? — спросил Кросс.

— Хладный яд. Следы заморозки магического ядра. Воздействие мгновенное.

Мортиция сжала губы. Эмериль Зеро сидел на своём месте, красивый, но очень бледный.

— Личные артефакты? — поинтересовался Кросс.

Служащий провёл рукой вдоль тела.

— Личные артефакты отсутствуют. Карманы пусты. Печать рода не обнаружена. Кошель маны не обнаружен. Карманный накопитель не обнаружен.

По залу снова прокатился шепоток. Я нахмурилась.

— То есть его ещё и обокрали?

Кросс искоса посмотрел на меня.

— Это мы сейчас выясняем.

Его взгляд, направленный на меня, стал ещё холоднее.

Фишка внезапно замахал рукой.

— Шеф! У нас минус два гостя.

— Кто?

— Два демона сопровождения лорда Блэкстоуна. Входили с ним. По профилям — Дорн и Гхар. Стояли за его креслом. Сейчас в зале не фиксируются.

— Что по следам?

— Внешний контур закрылся после колокола. До закрытия... — Фишка сглотнул. — Их след обрывается у служебного коридора.

Кросс задумался, медленно повернулся к телу. Потом — ко мне. Я непроизвольно сжалась.

— Я стояла здесь.

— Именно.

Прозвучало это почти как обвинение. Я только сейчас поняла, как это выглядит со стороны.

Неизвестная женщина. Без регистрации. В дорогом платье. В VIP-зоне. Стояла рядом со столом. Привлекала внимание, пытаюсь командовать. В это время у покойного исчезли артефакты, а двое его сопровождающих испарились.

— Поднос, — встрепенулась я. — Вы приказали найти поднос.

Кросс прищурился.

— Почему вас интересует поднос?

— Потому что он исчез, а бокал взяли именно с него.

Кросс молчал секунду.

— Фишка.

— Да, шеф?

— Маршрут подноса.

Гоблин ткнул в пластину.

— Поднос номер... сейчас... семьдесят четыре. Вышел из винного коридора, обслужил стол семь, затем... — Фишка потряс прибор и нахмурился. — Затем маршрут не зафиксирован.

— Что значит не зафиксирован?

— То и значит. Вышел из реестра.

Мортиция резко подняла голову.

— Невозможно.

— У вас тут это слово часто используется перед тем, как выясняется, что возможно всё, — заметила я.

Кросс бросил на меня быстрый взгляд.

— Вы видели, кто взял бокал с подноса?

— Блэкстоун.

— Только он?

Я задумалась.

Перед глазами снова всплыл стол. Поднос. Красные напитки. Рука Блэкстоуна. Эмериль.

— Эльф тоже брал бокал, — сказала я. — До этого. Или почти одновременно. Но он жив.

Эмериль Зеро медленно повернул ко мне голову.

— Вы намекаете, что я знал, какой бокал безопасен?

— Это вы сказали, не я.

По VIP-зоне прошёл лёгкий шёпот. Эмериль побледнел ещё сильнее, но голос сохранил ровным:

— Лорд-директор, я требую прекратить этот фарс.

— Требование принято, — сказал Кросс. — Фишка, бокал лорда Зеро тоже изъять. Остатки напитка проверить.

— Есть, шеф.

Кросс подошёл ближе ко мне.

— Имя?

— Елена.

— Полное.

— Елена Алексеевна.
Он ждал.
— Фамилия? — уточнил он.
Я назвала.
Фишка быстро записал.
— Мир происхождения? — спросил Кросс.
— Земля. Россия. Москва.
Фишка посмотрел в пластину.
— Мир не распознан.
— Да что у вас за справочник такой убогий? — не выдержала я. — Гольяново он тоже не распознал. Может, у вас обновление не установлено?
— Гольяново? — переспросил Фишка. — Это титул?
— Микрорайон.
Кросс продолжил:
— Как вы попали в зону высокого допуска?
— Проснулась в вашем санузле.
Фишка перестал записывать. Мортиция Вексель ошарашено прижала к себе книгу. Эмериль Зеро бросил на меня брезгливо-понимающий взгляд.
Кросс тряхнул головой и сказал:
— Повторите.
— Я проснулась в дамской комнате. На кушетке. В этом платье. Потом зеркало потребовало завершить гостевой профиль, договор хотел крови, пол повёз меня сюда, а дальше кто-то умер.
Фишка начал писать, остановился, посмотрел на Кросса.
— Шеф, это записывать дословно?
— Дословно.
— Даже про туалет?
— Особенно про туалет.
— Понял.
Я почувствовала, как щеки начинают гореть.
— Слушайте, я понимаю, что звучит странно.
— Нет, — сказал Кросс. — Странно звучит, когда гость путает игровой зал с храмом удачи. То, что рассказываете вы, звучит как плохо подготовленная легенда.
— Легенда?
— История прикрытия.
— Вы думаете, я это придумала?
— Может, и не вы. Смотрите сами. Незарегистрированная женщина без магического следа входа появилась в VIP-зоне за несколько минут до убийства архидемона. Потом привлекла к себе внимание всего зала, а в это время исчезли личные артефакты покойного, пропали двое сопровождающих и исчез сервисный поднос.
Я открыла рот и снова захлопнула его, чуть не прикусив язык. Потому что звучало это всё очень логично. И как теперь оправдываться?
— Я кричала, потому что все пытались затоптать или забрать улики.
— Это звучит очень правдоподобно.
— Да эти правила знает любой, кто хоть раз смотрел сериал про ментов.
Фишка поднял голову.
— Что такое сериал?
Кросс повернулся к нему.
— Профиль Елены Алексеевны.

Фишка ткнул в пластину раз, потом второй, кашлянул и тихо выдал:

— Профиль отсутствует.

— Временный статус?

— Есть. «Неидентифицированная гостья, обнаружена в зоне высокого допуска. Регистрация не завершена. Кровная подпись отсутствует. Магический след входа отсутствует. Мир происхождения не распознан».

Вокруг нас повисла тишина. Кросс смотрел на меня. Я разглядывала свои туфли.

Фишка шумно вдохнул, я подняла глаза и сказала:

— Так получилось.

— Вы понимаете, как это выглядит? — спросил Кросс.

— Плохо.

— Очень.

— Но не смертельно же.

Он выразительно посмотрел на тело Блэкстоуна. Я не знаю, в который раз за этот день, вздохнула и согласилась:

— Ладно. Для него смертельно. Но я не имею к этому отношения.

— Это мы постараемся установить.

— Отличная мысль. Давайте попытаемся. Начните с подноса, двух исчезнувших демонов, бокала эльфа и пустых карманов покойного.

— А вас, по-вашему, надо исключить из проверки?

— Нет. Меня можно и нужно включить. Но без фанатизма, так как я реально ни при чём. Кросс сделал ещё один шаг в мою сторону. Теперь он стоял практически впрытык.

— Елена Алексеевна из нераспознанной Москвы, — произнёс он. — Вы пройдёте со мной.

— Мне это не нравится.

— Мне тоже многое, связанное с вами, не нравится.

— Например?

— Незарегистрированные гости у трупа архидемона.

Я набрала в грудь воздух и начала:

— Слушайте, я понимаю, что у вас тяжёлый вечер...

— У меня только что убили одного из крупнейших инвесторов Межмирья, сорвали транзакцию на три миллиарда астральных единиц, из-под охраны исчезли два демона, а в VIP-зоне обнаружилась женщина без профиля, которая утверждает, что прибыла через дамскую комнату.

Он сделал короткую паузу. Отвернулся и добавил:

— Вечер действительно не лёгкий.

— Я могу отказаться? — спросила я.

Кросс чуть наклонил голову.

— Можете.

— Реально?

— Конечно. Тогда Фишка проводит вас принудительно.

Я посмотрела на Фишку. Фишка посмотрел на меня. В его глазах читалась просьба не осложнять ему жизнь.

Я его понимала. Мне самой не хотелось осложнять ему жизнь. Мне хотелось проснуться в своей спальне, на тринадцатом этаже, с видом на московский двор, где главной проблемой были парковка и соседский борщ.

Но вместо этого рядом лежал мёртвый архидемон, по залу ходил мрачный лорд-директор, а гоблин с блокнотом морально готовился меня сопровождать.

— Хорошо, — сказала я. — Пройду. Но только после того, как вы закончите оформлять место преступления.

Кросс поднял брови.

— Вы ставите мне условия?

— Я пытаюсь сохранить вам улики.

— Фишка, — сказал Кросс.

— Да, шеф?

— Всё, что она перечислила: опись, расположение предметов, бокалы, поднос, свидетели, исчезнувшие сопровождающие. Оформить.

После этого Кросс развернулся и пошёл к выходу из VIP-зоны. Мне ничего не оставалось, кроме как пойти следом за ним.

По дороге я оглянулась на стол №7. На мёртвого Люциуса Блэкстоуна. На разбитый бокал. На Мортицию Вексель, которая искоса наблюдала за мной. На Эмерилия Зеро, слишком живого для человека, который взял бокал с того же подноса. На пустое место за креслом, где раньше стояли два демона сопровождения.

Мой сон не просто перешёл в жанр детективной фантастики. Он затянул меня в список подозреваемых.

Глава 4. Допрос с отрицательным сальдо

Мы вышли из VIP-зоны через незаметную боковую дверь. Роскошь сразу закончилась. Стены стали тёмными, гладкими, слегка увитыми светящимися линиями. В углах висели прозрачные кристаллы, похожие на камеры наблюдения. У каждого поворота стояли охранники в серой форме.

Я покосилась на кристалл и спросила:

— Он что, наблюдает за нами?

— Да, — сказал Фишка, семена рядом. — Записывает, сравнивает, оценивает угрозу. Кросс шёл немного впереди и явно слышал каждое слово. Но не оборачивался.

Коридор повернул. На стене появилась надпись: «Служебный блок безопасности. Посторонним вход запрещён».

Мы прошли через арку. Она вспыхнула холодным голубым светом. У меня по коже пробежали мурашки, а на запястьях будто на секунду сжались невидимые пальцы.

— Стоять, — сказал Кросс.

Я послушно затормозила. Один из охранников подошёл с узкой шкатулкой. Открыл. Внутри лежали два тонких браслета из тёмного металла.

— Нет, — сказала я, спрятав руки за спину.

Кросс даже не повернулся.

— Вас не спрашивают.

— А надо бы. Что это?

— Ограничители магии.

Я недоумённо посмотрела на него.

— Вы серьёзно? Я не маг — я бухгалтер!

— К сожалению, это не единственное ваше утверждение, которое нельзя проверить.

Охранник шагнул ко мне. Я непроизвольно отступила назад. Но после взгляда на Кросса стало понятно: ещё один шаг назад — и уговоры закончатся. Я сдалась и протянула руки.

Охранник застегнул браслеты. Металл оказался холодным и неожиданно тяжёлым. Стало противно и обидно.

Комната, куда меня привели, оказалась небольшой и без окон. В ней стоял прозрачный, будто из толстого стекла, стол и три стула. На потолке виднелась круглая печать из серебристых линий. В углу — ещё один кристалл наблюдения. На стене — тонкая вертикальная полоса света, то ли часы, то ли местный аналог подсветки.

Кросс указал мне на стул и сам сел напротив. Стул мягко зафиксировал меня по бокам. Я испуганно дернулась.

— Эй!

— Фиксация посадки, — сказал Фишка от двери. — Чтобы задержанный не бросался, не рассыпался, не испарялся и не менял форму без разрешения.

Кросс бросил на меня взгляд и положил на стол тонкую пластину. На ней вспыхнули строки, которые я с трудом смогла прочитать со своего места:

«Неидентифицированная гостья. Женщина. Вид предположительно человеческий. Мир происхождения не распознан. Магический след входа отсутствует. Кровная подпись отсутствует. Обнаружена в зоне высокого допуска».

В комнату вошёл служащий с подносом в руках. На нём стоял маленький чайник, чашка и стакан с водой. Я только успела обрадоваться, что наконец смогу попить, как Фишка громко сообщил:

— Успокоительный настой для задержанной. И вода.

— После того как человек умер от напитка с подноса, я не пью ничего, что появилось в этой реальности без моего контроля, — сглотнув слюну, заявила я.

Служащий посмотрел на меня, перевёл взгляд на Красса. Тот, не меняя выражения лица отдал приказ:

— Запечатанную воду.

Служащий исчез и через минуту вернулся с прозрачной бутылкой, горлышко которой было закрыто сияющей пломбой.

Я осмотрела её, но всё-таки решила пока не трогать.

— Имя, — сказал Красс.

— Елена Алексеевна.

— Фамилия.

Я повторила.

— Мир происхождения.

— Земля. Россия. Москва. Гольяново. Микрорайон, не титул.

Фишка всё фиксировал.

— Как вы попали в дамскую комнату VIP-зоны?

— Не знаю.

— Кто вас отправил?

— Никто.

— Где вы взяли платье?

— Я купила его в ГУМе.

— Где?

— В магазине. На Земле. В Москве. За свои деньги, о чём моя внутренняя жаба до сих пор скорбит.

Фишка заинтересованно поднял глаза.

— Внутренняя жаба — это фамилляр?

— Нет. Это моя финансовая совесть.

Он всё записал.

Красс постучал пальцем по пластине.

— Вы знали Люциуса Блэкстоуна?

— Нет.

— Эмерилия Зеро?

— Нет.

— Мортицию Вексель?

— Нет, но как финансист она мне чем-то близка.

— Демонов сопровождения?

— Нет.

— Кто должен был встретить вас в казино?

— Никто.

— С кем вы должны были уйти после смерти Блэкстоуна?

— С будильником ровно в шесть тридцать.

Фишка замер. Красс не изменился в лице, но поднял взгляд на меня.

— Это кто?

— Устройство, которое каждое утро напоминает, что пора на работу.

У Фишки сразу пропал интерес, и он зафиксировал мой ответ. А у меня проснулось раздражение.

— Послушайте, — сказала я. — Вы задаёте одни и те же вопросы разными словами. Ответы не изменятся. Я заснула у себя дома и проснулась у вас. Всё.

— Так не бывает.

— Согласна. До сегодняшнего дня я тоже так думала.

— Вы понимаете, что ваша история абсолютно непроработана?

Я закатила глаза, а Кросс откинулся на спинку стула.

— Вы хорошо держитесь для человека, который, по собственным словам, случайно оказался в другом мире рядом с убитым архидемоном.

— Спасибо. Московская бухгалтерия, знаете ли, закаляет. После сведения годового баланса смерть архидемона — это, конечно, неприятно, но хотя бы не грозит запросами из налоговой и начислением пени.

— Вы ёрничаете, когда нервничаете?

— Я шучу, чтобы не начать кричать.

На потолке тихо вспыхнула серебристая печать. Я почувствовала давление на виски. Лёгкое, как начало головной боли. Потом сильнее. Я потеряла виски. Давление усилилось.

Перед глазами поплыли недавние события. Счета. Проводки. Письма с красными флажками. Пеня у двери бухгалтерии. «Это надо было ещё вчера». Просроченный йогурт. Таблицы, вкладки, суммы, сальдо. Всё начало раскладываться само, как будто кто-то запустил процесс архивирования в моём мозге. И где-то у самого края этого шкафа с данными что-то чужое тыкалось в поисках входа.

Я потрясла головой.

— Прекратите сейчас же!

Кросс смотрел внимательно.

— Я обязан проверить вашу правдивость.

— Вы не имеете права лезть мне в голову!

Печать на потолке вспыхнула ярче. И внутри меня что-то щёлкнуло. Давление отступило. Было ощущение, что червячок в голове, наткнувшись на странную внутреннюю структуру: цифры, правила, запреты, связи, долги, сроки, подписи, испугался и уполз обратно.

Кросс впервые заметно напрягся.

— Как вам это удалось?

— Понятия не имею, но мой мозг — не запароленный файл, а вы не хакер, чтобы его взламывать!

Фишка посмотрел на меня круглыми глазами и восхищённо прошептал:

— Что такое хакер?

— Потом, — бросил Кросс.

— Ничего потом, — сказала я. — Вы сейчас пытаетесь выяснить, кто я, откуда и почему проснулась в вашем санузле. А у вас в зале мёртвый архидемон, исчезнувшая охрана, пропавший поднос и сорванная транзакция на три миллиарда. Может, займёмся делом?

Кросс убрал ладонь с пластины и печать на потолке погасла. Давление исчезло окончательно, а голова сразу заболела по-настоящему.

— Вы считаете, что допрос подозреваемой не относится к делу?

— Считаю, что вы зря тратите время.

— А вы предлагаете?

— Смотреть, кому выгодно.

Фишка попятился и осторожно приоткрыл дверь.

— Шеф, мне выйти?

— Нет, — сказал Кросс. — Записывайте.

Гоблин просиял и приосанился. Я устало потёрла запястье, хотя браслет почти не мешал двигать рукой, только охлаждал кожу.

— Начнём с простого. Убийство и ограбление — это одно преступление или два?

Кросс поднял брови, но ничего не сказал.

— Если цель была убить Блэкстоуна, зачем чистить карманы? Если цель была обокрасть, зачем убивать, да ещё и на глазах у половины золотого зоопарка? Значит, либо убийство прикрывало кражу, либо кража прикрывала убийство, либо все должны думать, что это связано, а на самом деле нет.

Фишка строчил так быстро, что казалось, что он печатает.

— Дальше. Его ли хотели отравить? Эмериль взял бокал с того же подноса и жив. Значит, яд был или в конкретном бокале, или активировался на конкретного получателя, или Эмериль знал, какой бокал брать.

— Или яд подействовал только на демоническую кровь, — сказал Кросс.

— Тоже вариант. Тогда кто знал, что Блэкстоун возьмёт именно этот бокал? Поднос? Тот, кто программировал поднос? Тот, кто управлял им вручную? Или тот, кто знал его привычки?

Кросс заинтересованно наклонил голову.

— Продолжайте.

Я поняла, что «Остапа понесло». Как правило, это случалось на совещаниях, когда кто-то говорил: «Да там всё просто». После этой фразы во мне просыпалось древнее зло с калькулятором.

— Где был поднос до винного коридора? Кто имел доступ к напиткам? Кто может удалить маршрут из реестра? Это тоже важно.

Я отдышалась и продолжила:

— Кому выгодно, чтобы Блэкстоун умер именно до подтверждения перевода? Если он выиграл три миллиарда, то после подтверждения деньги — или мана, или что там у вас — должны были перейти ему. Если он умер до подтверждения, у кого останутся деньги?

Кросс закинул ногу на ногу и опять сказал:

— Продолжайте.

— Значит, надо смотреть, кто получает выгоду от зависшей операции. Казино? Эмериль? Наследники? Кредиторы? Должники? Партнёры? Родственники? Дети, внуки, бывшие жёны, ревнивые мужья любовниц, обиженные инвесторы, политические противники, кто угодно. Он архидемон с тремя миллиардами на кону.

— У архидемонов не бывает бывших жён, — вставил Фишка.

— Да пофиг!

Фишка записал и это.

— И карманы, — сказала я. — Что должно было быть у него при себе? Печать рода, кошель маны, накопитель, артефакты. Они точно были? Кто это видел? Может, он заранее отдал всё охране?

— Охрана исчезла, — сказал Кросс.

— Вот именно. Они могли быть сообщниками. Могли испугаться. Могли унести его вещи. А могли быть следующими жертвами. Вы уже нашли их и проверили, что они живы?

Кросс вопросительно посмотрел на Фишку.

Тот сглотнул.

— Пока нет, шеф.

— Так вперёд.

— Да, шеф.

Фишка выскочил из комнаты. В допросной разлилась тишина.

Я вдруг ощутила, как сильно устала. Руки дрожали. Запястья под браслетами неприятно почесывались. Голова болела. Платье, которое вчера казалось красивой спонтанной покупкой, теперь стало главным виновником и вещдоком моей идиотской ночной эпопеи.

Кросс помолчал и выдал:

— Вы не похожи на случайную гостью.

— Хорошо, не похожа, дальше что?

Дверь распахнулась. Вернулся Фишка. Запыхавшийся, взъерошенный и очень довольный.

— Шеф!

— Докладывайте.

— Поднос номер семьдесят четыре не найден. Последняя фиксация — у стола семь. После смерти лорда Блэкстоуна маршрут стёрт.

Кросс нахмурился.

— Бокал лорда Зеро?

— Изъят. Остатки напитка чистые. Следов хладного яда нет.

— Бокал Блэкстоуна?

— Подтверждён хладный яд. Очень сильный. Действие мгновенное. След привязки... странный.

— Что значит странный?

Фишка покосился на меня.

— Яд активировался после того, как бокал взял конкретный носитель демонического ядра. Если бы его взял кто-то другой, ничего бы не произошло.

— Значит, Блэкстоуна, — сказала я. — Точно его.

Кросс не ответил, но по лицу было видно: он подумал то же самое.

— Дальше, — велел он.

— Дорн и Гхар не найдены. Следы обрываются у служебного коридора, дальше пусто. Как будто их вырезали из маршрута.

— Живы?

— Не установлено.

— Подтверждающий артефакт транзакции?

Фишка ответил так же энергично:

— Отсутствует.

В комнате снова стало тихо.

— Что это за артефакт? — спросила я.

Кросс вздохнул и пояснил:

— При выигрышах такого уровня центральный контур формирует подтверждающий кристалл. До завершения перевода он содержит право требования на сумму выигрыша.

— То есть фактически это чек на три миллиарда?

— Упрощённо — да.

— И он исчез?

— Да.

Я медленно выдохнула.

— Тогда это не просто убийство.

— Нет, — сказал Кросс.

— Это ещё и ограбление. Интересно, где и когда всплывёт это право требования.

Кросс смотрел на меня очень внимательно.

— Для женщины, которая проснулась в дамской комнате и ничего не знает о Межмирье, вы быстро улавливаете суть финансовых вопросов.

— Я не знаю ваших правил, — сказала я. — Но долги, требования, права и жулики везде одинаковые.

Фишка тихо спросил:

— Записать?

— Нет, — одновременно рявкнули мы с Кроссом.

Гоблин вздохнул. А Кросс поднялся.

— На этом пока всё.

— То есть вы поняли, что надо искать поднос, охрану, артефакт и того, кто мог стереть маршруты?

— Да.

— И теперь отпустите меня?

— Нет.

Я уставилась на него.

— Почему?

— Потому что вы остаётесь единственным человеком без профиля, без входа и с доступом к месту преступления. Потому что вы привлекали внимание зала в момент исчезновения артефакта. Потому что магическое считывание не смогло пройти через вашу защиту. И потому что вы мыслите слишком подготовленно для случайной жертвы обстоятельств.

Кросс повернулся к гоблину.

— Фишка, — сказал он.

— Да, шеф?

— Камера третьего уровня. Наблюдение постоянное. Без доступа к магическим каналам. Еду и воду — только после проверки.

— Есть.

Фишка подошёл к двери и сделал приглашающий жест.

— Пройдёмте, Елена Алексеевна.

Меня повели по другому коридору с серыми стенами, световыми полосами и дверями с номерами.

Камера оказалась маленькой, чистой и почти пустой. Узкая кровать. Стол. Стул. В углу — раковина. Никаких решёток, зато дверь выглядела так, будто за ней прятали золотой запас государства.

Фишка остановился на пороге.

— Если что-то понадобится, зовите.

И ушёл. Дверь закрылась мягко, почти бесшумно, и я осталась одна. Села на кровать.

Браслеты холодили запястья. Голова гудела. Платье в тусклом свете казалось поникшим. Туфли жали. Внутри всё дрожало от усталости, злости и запоздалого страха, который наконец догнал меня. Я подумала, что сейчас окончательно сойду с ума.

Я собиралась присесть на минутку. Собраться. Подумать. Не плакать.

Кровать оказалась неожиданно мягкой. Я откинулась назад. Световая полоса на стене расплылась. Браслеты на запястьях стали тяжелее.

Последней мыслью было: когда окажусь в Москве, первым делом поцелую посудомойку. Потом мультиварку. По старшинству заслуг. Потом пришла темнота.

Глава 5. Выписка из реальности

Я проснулась от голоса Алисы.

— Доброе утро. Сейчас шесть тридцать. В Москве пасмурно, плюс два...

Я ещё не открыла глаза, но уже поняла, что нахожусь в своей кровати, в своей спальне, в своей пижаме.

За окном серела Москва. Где-то под окном завелась машина. За стеной в общем коридоре хлопнула дверь. На кухне загудел холодильник.

Я несколько секунд просто лежала и слушала эти звуки. Потом потянулась и зевнула.

Сон. Конечно, жалко, но всего лишь сон.

Я села, и мне вдруг захотелось потереть запястья. Они не болели. На коже не осталось явных следов. Но ощущение было такое, будто только-только с меня сняли тяжёлые холодные браслеты.

Я вскочила с кровати и чуть не грохнулась, запутавшись в одеяле. Квартира встретила меня тишиной. Кухня. Коридор. Шкаф, на дверце которого висело платье из ГУМа.

Точнее, не висело. Было наброшено. Небрежно, боком, так, будто его сняли с себя поздно ночью и бросили с мыслью: «Разберусь с ним завтра».

Я хорошо помнила, что вешала его аккуратно на плечики, потому что платье стоило столько, что его хотелось хранить не только в отдельном чехле, но и в специально выделенном под него шкафу.

Я подошла ближе и присмотрелась. Ткань больше не выглядела магазинно-новой. Вчера она смотрелась ровно, гладко, с холодным шелестом дорогой вещи, которую ещё никто не носил. Теперь на талии были мягкие заломы. На подоле сзади — лёгкая складка. Рукава примялись. Кружево на манжетах чуть потеряло форму.

Любая женщина отличит новое платье от платья, в котором несколько часов ходили по казино, спорили с зеркалом и сидели на допросе.

— Кажется, это был не сон, — сказала я тихо.

Алиса тут же бодро поддержала беседу:

— Не совсем поняла запрос.

Я проигнорировала её и машинально потёрла запястья. Ощущение холода не уходило.

Я ещё раз осмотрелась. На тумбочке лежал телефон и электронная книжка. Возле кровати на полу валялись тапки. На стуле висели рабочие брюки и блузка.

Но платье точно было не таким, каким я его оставила. И это бесило. Вот если бы на полу обнаружился труп архидемона, я бы точно поняла, что мои приключения мне не приснились. А просто почему-то помятое платье заставляло думать и сомневаться в собственной адекватности

Я не любила думать до кофе.

В семь сорок я, приняв душ, уже сидела на кухне, глазела на тучи за окном и пыталась собрать реальность в единый пространственно-временной континуум.

Дано: вчера я купила платье в ГУМе. Дома повесила его на плечики. Легла спать в пижаме. Проснулась в другом мире в платье и незнакомых туфлях. Попала в казино. Стала свидетелем убийства. Попала на допрос к лорд-директору. Меня заперли в камере. Я заснула. Проснулась дома в пижаме без туфель, но с помятым платьем на шкафу.

Вывод: либо я сошла с ума и просто забыла свои вчерашние действия, либо существуют параллельные миры, куда я и попала. Впрочем, второе предположение прямо указывает на верность первого. В общем, мне не понравились оба варианта.

В восемь я вышла из дома. Метро «Щёлковская» встретило меня привычной толпой. Люди толкались, зевали, прижимали к себе стаканы с горячим кофе и пялились в телефоны.

А мне всю дорогу казалось, что я смотрю на Москву через тонкое стекло.

Вчера эта жизнь казалась нормальной и была единственной. Сегодня она стала одной из двух реальностей. И, что особенно неприятно, в этой версии на работе меня ждал Пеня.

Казалось бы, что после мёртвого архидемона Валерий Павлович вообще не должен восприниматься, как что-то значительное. Но нет.

Фантастическое существо уже было мертво и не могло никак испортить мне жизнь. Пеня же был жив, бодр и наверняка уже готовил мне какую-нибудь гадость.

До офиса я добралась вовремя. На Ильинке моросил мелкий дождь. Старое здание «Гелиос Инвеста» выглядело подмокшим. На входе охранник кивнул мне так, будто я не вернулась из межмирового казино, а просто пришла на работу.

В бухгалтерии ещё никого не было. Я включила компьютер, поставила чайник. Пока система на стареньком ноутбуке грузилась, заварила кофе, открыла банк-клиент и скачала сегодняшнюю выписку

Телефон заверещал, ещё до того, как я успела сделать первый глоток кофе.

— Елена Алексеевна? — в трубке голосил Олег со склада. — По «СтройГраниту» оплата прошла? Машины стоят под загрузкой, водитель уже третий раз спрашивает, когда мы их запустим.

Я открыла список входящих платежей.

— Секунду.

«СтройГранит» должен был оплатить партию цементной смеси. Сумма ожидалась приличная. Не три миллиарда астральных единиц, конечно, но для нашего земного болота вполне чувствительная.

Поступлений от «СтройГранита» не было. Я проверила предыдущие дни. Потом залезла ещё раз в банк-клиент. Потом запустила поиск по контрагенту. Пусто.

— Денег нет, — сказала я.

На том конце провода повисла тяжёлая пауза.

— Как нет? Водитель сказал, всё оплачено.

Ну конечно, а то он признается, что решил получить отгрузку без денег.

— В выписках поступления нет. Не отгружать.

— Они же орут и машины стоят.

— Пусть стоят. Без денег товар со склада не отпустим.

Я положила трубку и успела сделать один глоток начавшего остывать кофе, как дверь бухгалтерии распахнулась.

Валерий Павлович Пеня влетел в кабинет, размахивая листом бумаги.

— Елена Алексеевна, что вы опять устроили?

Я вздохнула, посмотрела на кружку и отставила ее в сторону.

— Доброе утро, Валерий Павлович.

— Не морочьте мне голову! Почему склад не отгружает «СтройГранит»?

— Потому что денег нет.

— Как нет? — Он сунул распечатку мне под нос. — Вот платёжка.

Я взяла лист. Платёжное поручение оформлено аккуратно. Аккуратная печать банка, отметка «исполнено», сумма, дата вчерашняя, назначение платежа правильное, как и реквизиты.

Я смотрела на бумагу и чувствовала, как внутри меня что-то шебуршится. Нет, не кофе и не озарение. Просто платёжка вдруг перестала быть плоской.

Я видела текст, цифры, печать, подписи. И одновременно понимала: за этим документом ничего нет. Ни движения денег, ни обязательства банка, ни следа операции. Только картинка, натянутая на нужную форму. Пустая оболочка.

— Деньги на счёт не поступили, — повторила я.

— Ну, может, в банке зависли. Вот же платёжка!

— Платёжка — это не деньги.

Пеня наклонился надо мной.

— Клиент постоянный. Машины стоят. Склад ждёт. Нужно дать добро.

Я снова взяла в руки платёжку. Отметка «исполнено» была чуть темнее основного текста.

Дата стояла не на той линии, где должна. Номер документа показался знакомым.

Я открыла архив платежей за прошлый месяц, ввела сумму и нашла.

Очень похожая платёжка. Только дата была другой, а назначение и печать — те же

Я ещё раз взгляделась в дату исполнения на распечатке.

— Интересно, — сказала я.

Пеня напрягся.

— Что интересно?

— Интересное применение фотошопа.

Пеня покраснел.

— Вы обвиняете клиента в подделке?

— Нет, только печать об исполнении в плохом качестве.

— Елена Алексеевна, у нас бизнес, а не кружок юных криминалистов. Отгрузку надо делать.

— Тогда пишите распоряжение.

Он замер.

Вот это с ним всегда работало лучше святой воды. Стоило только сказать волшебную фразу, давление и ор прекращались. Как только я требовала распоряжения с его подписью, в Пене просыпалась осторожность.

— Какое распоряжение?

— О том, что вы лично разрешаете отгрузку товара до поступления денег на расчётный счёт на основании платёжного поручения, достоверность которого не подтверждена банком.

Пеня сжал губы.

— Вы опять тормозите рабочий процесс.

— Я опять не даю товару выехать со склада без оплаты.

Он суетливо стёр платком пот со своей лысины. А я вдруг поняла: он не просто нервничает из-за постоянного клиента. Он боится, что отгрузка сорвётся именно сейчас, потому что кому-то уже что-то было обещано. Или передано.

— Валерий Павлович, — медленно начала я. — А почему вы так переживаете?

— Там транспорт стоит.

— А ваш интерес в чём?

Он зло прищурился.

— Вы забываетесь.

Я впервые за всё время не испугалась. Возможно после лорда-директора Кросса Валерий Павлович действительно стал выглядеть менее значительным. То ли во мне за ночь сложился какой-то внутренний ограничитель. Тот самый, который годами заставлял сглатывать, улыбаться и «не обострять».

Я повернула к нему монитор.

— Вот старая платёжка «СтройГранита» за прошлый месяц. Вот новая. Видите отметку банка? Она совпадает до пикселя во всём, кроме даты на печати. Так не бывает. Вот выписка за вчера и сегодня. Поступления нет. Вот номер документа — он не отличается от старого.

Пеня молчал. Я продолжила:

— Хотите отгружать — подписывайте распоряжение. Не хотите подписывать — я сейчас сама звоню на склад и подтверждаю запрет.

— Вы не имеете права.

— Имею. Я отвечаю за учёт оплаты.

— Вы отвечаете за то, что я вам поручил!

— А ещё за документы, которые потом лягут в отчётность.

Телефон снова зазвонил. Я сняла трубку и включила громкую связь.

— Олег, отгрузку не производить. Оплаты нет.

— Понял, — сказал склад, и в голосе у него было облегчение человека, который очень хотел, чтобы ответственность взял кто-нибудь другой. — А то водитель мне уже весь мозг вынес. Говорит, им Валерий Павлович лично разрешил.

Пеня сжался и побелел.

— Олег, — сказала я спокойно, — поставьте отметку: отгрузка остановлена бухгалтерией из-за отсутствия поступления денежных средств. И пришлите мне на почту время прибытия машин, фамилию водителя и кто вам давал распоряжение на загрузку.

— Сделаю.

Я отключила связь. Пеня схватил платёжку со стола.

— Вы пожалеете.

Впервые он сказал это тихо и с явной угрозой в голосе.

Я посмотрела на него и вдруг ясно увидела объёмную цепочку.

Липовая платёжка. Склад. Срочная отгрузка. Водитель. Клиент. Личное разрешение. Страх подписи. Деньги, которые не прошли через банк, но где-то уже были обещаны.

Я видела не картинку, а связь, схему. Она не светилась. Не было и магических линий в воздухе. Просто в голове всё сложилось в порядок, как таблица, где наконец включили правильный фильтр.

И в этой таблице Валерий Павлович Пеня стоял не в графе «ошибся», а в графе «заинтересованное лицо».

— В следующий раз, — сказала я, — приходите с письменным распоряжением сразу.

Он резко развернулся и вышел, хлопнув дверью, и до конца рабочего дня я его больше не видела. Это было чудо чудное, ранее не наблюдавшееся.

Конечно, мне звонил «СтройГранит». Сначала менеджер. Потом их бухгалтер. Потом какой-то мужчина, который назвался заместителем директора и пытался давить на меня авторитетом. Я слушала, открывала выписку и повторяла, как попугай, одно и то же:

— Денег нет. Отгрузки нет.

На третьем звонке бухгалтер «СтройГранита» внезапно смягчилась и сказала, что, возможно, «девочки ошиблись файлом». Как удобно!

У них девочки ошиблись файлом, у нас склад должен был отдать товар на несколько миллионов. Девочки, видимо, работали в отделе чудес при знакомом казино.

К пяти вечера стало ясно: платёжка была липовая. Деньги действительно не уходили. Клиент начал кормить обещаниями об оплате «завтра с утра».

Я сохранила сканы переписки, присланные варианты липовой платёжки, выписки по лицевому счёту и письмо со склада в отдельную папку. Назвала её «СтройГранит_сомнительная_оплата» и вынесла на рабочий стол.

Ровно в 18.00 я вышла из офиса с ощущением, что отработала подряд две смены. Одну — в странном казино. Вторую — в Москве. И обе почему-то без обеда.

Всю дорогу домой я думала, что хочу узнать, нашли ли поднос. Это было глупо и необъяснимо.

Меня должна была волновать платёжка, возможная месть Пени, склад и то, что завтра всё это продолжится.

Но мысли всё равно возвращались в казино.

К Блэкстоуну, который умер до подтверждения перевода. К Эмерилю, слишком живому после бокала с того же подноса. К двум исчезнувшим демонам. К Фишке, который старательно записывал всё, даже то, что не надо.

И к Кроссу.

Я не думала о нем как о мужчине. Думала исключительно как о должностном лице, которое незаконно пыталось залезть мне в голову и держало меня под подозрением.

В метро было душно. Люди привычно смотрели в смартфоны. Кто-то громко слушал музыку. Плакал ребёнок. Обычная, нормальная реальность.

Дома я первым делом подошла к платью. Оно всё ещё висело на дверце шкафа. Неприлично красивое, но немного помятое. Я его сняла и повесила на плечики. Провела ладонью по ткани и вдруг ясно поняла: второй раз в камеру я в этом не пойду. Если, конечно, попаду туда снова.

Я открыла шкаф и достала новые, купленные уже год назад, джинсы. Потом подумала и добавила к ним футболку и кашемировый лонгслив. Оглядев получившуюся стопку, наклонилась и достала из нижнего отделения удобные кроссовки.

Решив, что всё, что смогла – сделала, пошла на кухню готовить ужин, но взгляд остановился на бельевом ящике.

Конечно, я собиралась спать. В то же время была опасность вновь оказаться неизвестно где. Так лучше я это сделаю красивой. И выбрала офигенно дорогое, красивое и удобное бельё.

Не думайте, это не для Кросса. Просто женщина имеет право быть прилично одетой.

После ужина и душа я переоделась, посмотрела на себя в зеркало и вздохнула.

В джинсах, лонгсливе и кроссовках я выглядела не как VIP-гостя казино, а как человек, который собирается на дачу.

Телефон я как обычно положила рядом на тумбочку. Потом подумала и положила в карман джинсов маленький блокнот с ручкой.

Я сняла кроссовки и поставила рядом с кроватью. Посмотрела на них. Подумала. И напялила обратно.

Если я снова проснусь в камере, лучше буду в своих кроссовках.

Я легла, натянула одеяло до подбородка и пробормотала:

— Это не возвращение. Это проверка гипотезы.

Алиса молчала. Видимо, умная техника поняла, что в данной ситуации лучше не вмешиваться.

Я закрыла глаза. И постаралась заснуть.

Глава 6. Камера временного отсутствия

Я открыла глаза и сразу поняла: гипотеза подтвердилась.

Я лежала на узкой кровати в джинсах, лонгсливе и кроссовках. Первое, что я сделала, — полезла в карман джинсов. Блокнота в нём не было. Ручки тоже. Ладно, будем экспериментировать ещё.

Я осмотрелась и только теперь заметила, что камера изменилась.

Когда меня сюда привели, это была обычная комната со столом, стулом и раковиной. Теперь по полу тянулись тонкие линии, похожие на разметку. У стены стояли три кристалла на медных подставках. Один тихо потрескивал. Второй мигал зелёным. Третий ничем не отсвечивал.

Возле двери на корточках сидел сухощавый мужчина в серой мантии. В руке он держал тонкую палочку. Услышав шум, он обернулся и застыл. Я тоже.

— А-а-а! — начал мужчина, увеличивая громкость.

Я от неожиданности шарахнулась к стене.

— Вы кто?

— Я? — Он вскочил так резко, что едва не снёс кристаллы. — Это вы кто?!

— Я узница, и здесь вообще-то сидела.

— Вы отсутствовали!

Мужчина прижал палочку к груди, как шпагу. Выглядел он при этом не грозно, а обиженно-научно.

— Стража! — крикнул он в дверь. — Она здесь!

За дверью что-то грохнуло. Потом послышался знакомый голос:

— Кто вернулся?

— Ваша задержанная!

Дверь распахнулась, на пороге появился Фишка и уставился на меня.

— Вы вернулись, — сказал он.

— Я старалась.

— А где ваше платье?

— Я переоделась.

— Где?!

— В Москве.

Фишка медленно перевёл взгляд на мага в серой мантии. Маг пожал плечами.

— Следов магии я не нашёл.

Фишка всхлипнул.

— Я ужин принёс, — сообщил он вдруг.

— Сейчас?

— Тогда! Вчера! То есть ночью. Через двадцать минут после того, как вас закрыли. А вас нет.

Он посмотрел на дверь, на мага и поёжился.

— Камера закрыта. Следов открытия двери нет. Контур целый. Браслеты лежат на кровати. Вы отсутствуете. А ужин стынет. Где вы были?

Я открыла рот. И закрыла.

Потому что честный ответ «на работе в бухгалтерии» звучал здесь совершенно по-идиотски.

Маг в серой мантии осторожно поднял руку.

— Простите, а можно я уточню для протокола? Вы переместились через сон?

— Я не знаю, через что я переместилась. Я заснула здесь, проснулась дома. Потом заснула дома и проснулась здесь.

Маг побледнел.

— Двойная связка без порталного следа...

— Нет, — сказал новый голос от двери. — Это точно не двойная связка. Зато это дыра в контуре безопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.